

РОБЕРТ КЕЙН

ОСУЖДЕНИЕ
ЗЛА

18+

Кейн Роберт

Осуждение зла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69775102

SelfPub; 2023

Аннотация

В глухой провинции одной из закавказских республик, в маленьком тихом поселке происходит жестокое убийство. Пытаясь распутать сложное дело, следователь выясняет, что этому преступлению сопутствовал целый ряд странных случаев и трагедий, а тянется вся цепочка из Египта, где один из фигурантов в былые времена участвовал в раскопках гробниц. Неужели череда смертей – проявление мифического «проклятия фараонов»? Или за всем происходящим стоят очень хитрые, жадные и жестокие люди? Пройдут десятилетия, прежде чем уже в другой стране сын того следователя, ставший частным детективом, нащупает ниточку, которая позволит распутать весь клубок...

Содержание

Книга первая	5
Эпизод 1. Под Открытым Окном	5
Эпизод 2. Пламя во Тьме	7
Эпизод 3. Вопросы Среди Пепла	11
Эпизод 4. Игорь Пахомов	16
Эпизод 5. Призрак в Капюшоне	20
Эпизод 6. Алиби Осла	24
Эпизод 7. О Школьных Днях и Мрачных Сказках	29
Эпизод 8. Тихие Подозрения	33
Эпизод 9. Воспоминания под Тутовым Деревом	36
Эпизод 10. Безмолвные Связи	39
Эпизод 11. Игорь Пахомов – 2	41
Эпизод 12. Игорь Пахомов – 3	45
Эпизод 13. Игорь Пахомов – 4	51
Эпизод 14. Игорь Пахомов – 5	56
Эпизод 15. Отец	58
Эпизод 16. Схороненные Истины	60
Эпизод 17. Игорь Пахомов – 6	62
Эпизод 18. Игорь Пахомов – 7	67
Эпизод 19. Незабытый Силуэт	69
Эпизод 20. Игорь Пахомов – 8	72

Эпизод 21. Тяжесть Времени	77
Эпизод 22. Игорь Пахомов – 9	81
Эпизод 23. Игорь Пахомов – 10	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Кейн Роберт

Осуждение зла

Книга первая

Эпизод 1. Под Открытым Окном

В детстве, когда мне было шесть-семь лет, я не понимал, почему частенько над крышей центрального хаммама нашего района (а хаммам действительно находился в центре района) из узкой трубы с непонятным для меня набалдашником выходила мощная струя пара, издавая пронзительный гудок, как у паровоза. Когда в очередной раз после такого гудка мои родители собирались в баню, в ответ на мой вопрос: «Почему баня свистит?» отец мне терпеливо объяснял, что это она таких чумазых, как я, приглашает обязательно помыться, хотя бы один раз в неделю.

Мне нравилось ходить в баню с отцом. Это было лучше, чем мыться в корыте дома, где мама беспощадно терла меня до крови колючим мешочком. И мама изредка прибегала к моим услугам, когда мыла голову гатыком¹. Я лил ей на ма-

¹ Кефир (с азерб.).

кушку теплую воду из ковшика. У мамы были длинные густые волосы, черные с проседью. Мне было интересно, почему, несмотря на довольно молодой возраст, у мамы седина. Когда я был младше, особого значения этому не придавал. И не спрашивал маму об этом. Честно говоря, мама с нами была строга, и я боялся ее крутого нрава.

А с отцом, наоборот, мы дружили: он был очень добрым, мягким человеком. И как-то вечером, когда я был в седьмом или в восьмом классе, точно не помню, я помогал отцу чинить наши ботинки. Как всегда, приставал к нему с разными вопросами о войне. Когда мы были в бане, я видел глубокие шрамы на его бедре, следы осколочного ранения. Отец очень не любил вспоминать про войну, всегда отвечал нехотя. Но мне нравилось говорить с ним: он был хорошим рассказчиком и сам умел слушать. Ну и задал я ему вопрос, почему мама такая молодая, но волосы у нее с проседью. Может, она такой родилась? Отец ничего не ответил, подняв голову, посмотрел на небольшое окно.

Вечерело. На юге быстро темнеет. Отставив в сторону наши выдавшие виды истоптанные ботинки, положив молоток и длинную подставку с плоской загнутой лапкой в небольшой ящик, отец попросил меня отнести инструменты на веранду, а сам, сняв передник, вышел за мной следом.

Эпизод 2. Пламя во Тьме

Обычно после школы я приглядывал за скотиной на пастбище, а в тот день меня заменил наш сосед. И он пригнал живность, когда совсем стемнело. Пока мы управлялись в загоне, прошел час. Отец, посмотрев на одну из овечек с большим пузом, сказал:

– Окотиться должна – перед сном надо будет навестить. А то родит, другие овцы малыша могут затоптать.

Поселок хлоппункта, где мы жили, состоял из четырех одноэтажных домов. В каждом доме жили четыре семьи, в которых трудоспособные взрослые работали на хлоппункте. В занимаемой нами половине дома нашими соседями были пожилая женщина тетя Зейнаб и двое ее взрослых сыновей. Старший – худощавый, высокого роста, был бухгалтером в конторе хлоппункта. Младший работал где-то в районном центре. А сама тетя Зейнаб трудилась весовщицей на хлоппункте. Они жили очень тихо и обособленно. Около года назад переехали к нам якобы из Басаргечара, где тетя Зейнаб работала в табачном пункте. Нелюдимость этого семейства объясняли скромностью. У нас с тетей Зейнаб была общая веранда. И входные двери в наши квартиры располагались совсем близко.

В нашем поселке почти каждая семья имела напротив своего дома сарай с загонем, где держали скотину. А у тети Зей-

наб даже кур не было, не то что овечек или коз. Тем более сарая с загонем. Чуть дальше за сараями проходила железная дорога, которая была проложена еще на заре советской власти. Правда, она уже не функционировала. На путях стояла полуразграбленная кукушка² – место наших забавных детских игр. Да и сами железнодорожные пути напротив наших домов местами были разобраны. Но дальше, где начинались инжирные сады и тутовники совхоза «Питомник», железная дорога была в рабочем состоянии. Мы там иногда видели на путях дрезины с людьми. А что было за тутовником дальше, за буйной рекой, куда уходила железная дорога, мы не знали.

Я стоял около загона, ожидая, когда отец выдоит овец.

– Вы скоро там? – крикнула мама с веранды.

Я не успел ответить. Вдруг из темноты на веранде резко появилась тетя Зейнаб. Видимо, она откуда-то прибежала. Я издалека заметил, как мама от неожиданности вздрогнула. А та, не обращая на маму никакого внимания, быстро зашла к себе, закрылась.

– Чего стоишь, на-ка, держи, – отец, протянув мне ведро с молоком, начал загонять овечек из загона в стайку.

Через несколько минут раздался крик, и я чуть ведро не уронил.

– Мама, открой!.. Пожалуйста, мама!.. – прибежавший за Зейнаб младший сын пытался открыть дверь квартиры, но не мог. Видимо, тетя Зейнаб закрылась изнутри.

² Паровоз (простореч.).

– Мамочка-а-а! Откро-о-о-й!

Мы с отцом застыли как вкопанные, не понимая, в чем дело.

– Чего он так орет? Домой не пускают, что ли?.. Во дела!.. – сказал отец, перешагнув через арык, и направился к дому.

И я осторожно, чтобы не пролить молоко, поплелся за ним.

Бедный парень все уговаривал свою мать открыть дверь. Уже из соседских веранд начали выглядывать. Чтобы не мешать парню решать свои проблемы, отец, забрав у меня ведро, поставил его через перила на веранду, а сам, достав сигарету, закурил. Парень, оглянувшись на нас, закричал:

– Ради бога, помогите открыть эту дверь!

Не успели мы с отцом среагировать на просьбу парня, как в проеме открывшейся двери возник огромный крутящийся вокруг своей оси факел.

– Мама-а-а-а!.. – дикий крик отозвался в ночной тиши эхом из близлежащих ущелий и лесов.

Тетя Зейнаб горела с треском, как костер! Не растерявшись, отец запрыгнул на веранду. Быстро сняв с себя телогрейку, он начал укутывать тетю Зейнаб и крикнул появившейся маме:

– Тащи одеяло!

Через несколько минут с помощью прибежавших соседей тетю Зейнаб потушили. А спустя некоторое время, сидя на

полу, не обращая внимания на висящие на ней еще тлеющие лохмотья, на сгоревшую с одеждой кожу, она все бессвязно твердила:

– Правильно сделала!.. Не сама, так они бы!.. Правильно сделала!

Вокруг стоял стойкий запах гари, жира и еще чего-то. Вскоре приехавшая скорая увезла тетю Зейнаб с сыном. Все собравшиеся были в шоке. Я благодарил бога за то, что моя сестра, старше меня на несколько лет, была не с нами. Она жила в Сумгаите у дяди, училась в техникуме. И благо, что не видела эту трагедию!

Эпизод 3. Вопросы Среди Пепла

Стояла гнетущая тишина. А чуть погода все сразу заголовила. Вдруг из-за поворота, где обрывалась железная дорога, прорезая темноту светом мощных фар, появилась милицмейская машина. Я в то время не разбирался в марках автомобилей, на дверце было написано: «Милиция». Из машины выпрыгнули два-три милиционера в форме. Увидев в свете фар собравшихся, подошли ближе, поздоровались. Стоявшие перед нашей верандой расступились, как бы давая понять милиции, где произошла эта трагедия. Видимо, старший по чину милиционер, поднимаясь на веранду, начал, приседая, молча рассматривать валяющиеся обгоревшие тряпки, коегде почерневший пол. После, открыв притворенную дверь, позвал стоявшего рядом товарища следовать за ним и зашел в квартиру. Когда уже оба вышли из нее, старший спросил:

– Ну, рассказывайте, кто ее поджег?

– Как это кто? Сама! – дружно возмутились собравшиеся.

– Ладно, ладно! Разберемся.

Увидев прислонившуюся к нашей закрытой двери маму, старший спросил:

– Вы соседка пострадавшей? Что вы видели?

Отец шагнул вперед, пальцем показывая на нашу дверь, резко сказал:

– Здесь мы живем. Я видел все! – и, показав на ступеньки

веранды, продолжил: – Мы с сыном стояли здесь, только подошли из сарая. Овечек доили, короче, управлялись со скотиной. Мы еще у загона стояли, увидели, как младший сын соседки, стоя вот здесь, у двери, пытается ее открыть. Но, видимо, дверь изнутри была заперта, и он кричал, чтоб она, ну, его мать, открыла ему. Он долго дергал ручку и уговаривал мать открыть. А когда мы подошли, он попросил нас помочь ему открыть или сломать дверь. Но мы не успели... Дверь открылась, а там такой костер!

Отец попытался рукой изобразить увиденное.

– Ну и мы, конечно же, бросились ее тушить.

Старший махнул рукой стоявшему чуть подальше товарищу, что-то показал, обратился к окружающим:

– Ладно, давайте с веранды, освободите ее, говорю.

Милиционер, которого старший позвал, направил на пол фотоаппарат, начал снимать и на веранде, и в квартире все подряд.

– Давайте так... Сейчас уже поздно. Не хочется сегодня вас больше беспокоить. Но тех, кто что-то видел или что-то знает по этому поводу, прошу, когда завтра мы будем здесь, подойти и рассказать нам. А теперь спасибо большое! До свидания!

Машина заревела, переезжая арык, и исчезла за поворотом. Все еще взбудораженные соседи не могли успокоиться. Из-за чего Зейнаб себя подожгла? Каждый выдвигал свою гипотезу.

– Бедняжка, вся обгорела. Не жилец! – сказал отец, весь измазанный сажей. Подняв местами прожженную телогрейку, повесил ее на гвоздик и, подойдя к умывальнику, попросил испуганную маму:

– Теплую водичку не нальешь?

– Налито, налито. Умывайтесь, – голос мамы задрожал.

Ее лицо тоже было в саже. Через полчаса ошарашенные и расстроенные этой трагедией люди начали расходиться. Мама вынуждена была мыть образовавшуюся на полу веранды, как после пожара, сажу и убирать остатки почерневших тряпок. Наполовину сгорело одеяло, под которым я спал. Мама аккуратно его сложила, дала мне, показав на забор загона. Еще около получаса мы с ней приводили веранду в порядок. Я носил из арыка воду, а мама мыла полы. Отец, облокотившись на перила веранды, изредка вздыхал, молча курил. Было уже очень поздно. В ночной тиши издали был слышен шум реки. Окурок отца, нарисовав в воздухе искрящуюся дугу, упал под тутовник. А сам он, ничего не произнеся, спустился с веранды и зашагал к загону. Мама, наконец-то закончив наводить чистоту, вылила из таза в ведро грязную воду, вымыла руки и, поправив на голове платок, подтолкнула меня к умывальнику. А там уже теплой воды не было – пришлось умываться холодной. Взяв висевшее на гвоздике около умывальника почти мокрое маленькое полотенце, я вытер краешком лицо и повесил его обратно на гвоздик. Да-а-а! Денек был на редкость поганый с этим самосожжением!

Да еще уроки остались не сделаны. И есть охота: ведь до сих пор еще не ужинали. И, как назло, отец в сарае застрял. Мама ведь не позволит, чтобы без отца мы сели ужинать.

Еще раз с надеждой посмотрев в сторону сарая, от неожиданности я замер на месте. Чуть подальше от ступенек веранды в слабом свете стоял, как призрак, высокий, худой, с пожелтевшим лицом старший сын тети Зейнаб. Я с ним встречался изредка. В последний раз виделись где-то месяц назад. Но потом он куда-то исчез и появился с какой-то пигалицей неделю назад. Я их видел около конторы, когда возвращался из школы. Но почему-то они жили в какой-то комнате в конторе. И вот он стоял, как будто чего-то боялся. Потом, ничего не сказав, медленно поднявшись на веранду, повернул ручку и открыл дверь. Из квартиры невыносимо пахло гарью, керосином. Он постоял некоторое время в дверях, как будто не осмеливаясь зайти. Потом, медленно закрыв дверь на замок, исчез в темноте.

В это время послышался шум закрывающейся двери загона – это был хороший знак. Сигнал, что скоро мы будем ужинать. У отца руки были в крови, еще в чем-то. Он поднялся на веранду, опять, подойдя к умывальнику, начал тщательно мыть руки и заодно мне рассказывать:

– Девочка родилась. На шее два помпончика висят, как кулончики! Вся черная. Только грудь белая. Вот чудо! А ты чего стоишь-то, в дом не заходишь?

– Да я тебя ждал...

– Ладно, пойдём.

Отец вытер руки о мокрое полотенце, снял грязные ботинки, зашел домой. Повторив его действия, я занял за столом свое место. На столе аппетитно дымилась картошка, стояла миска с квашеной капустой, в стаканах – молоко. Я не слышал, что отец рассказывал маме. Зато мое сообщение о том, что приходил старший сын тети Зейнаб и, постояв, ушел, стало причиной очень оживленного обсуждения всего того, что сегодня произошло.

Я, быстро управившись с ужином, поблагодарив маму, удалился спать. Когда, полусонный, лег, обнаружил на своей железной кровати новое одеяло. С большой радостью укутавшись в него, я провалился в глубокий сон, нисколько не жалея о том, что не успел сделать уроки. А ведь точно знал, что наша математичка, жена завуча Зарифа Мамедовна, меня точно вызовет к доске. Вот мегера! Чего она так меня «полюбила»?! Хотя наша «любовь» была очень даже взаимной.

Эпизод 4. Игорь Пахомов

Мы, родившиеся здесь, не считали себя чужими. Это страна была моей родиной. Никто никогда даже намек не делал, что мы здесь пришлые. Нас здесь уважали, любили. Когда я учился в столице, на юрфаке, изредка посещал один из рынков, где торговала соленьями наша родственница. Так вот, когда я приходил к ней, видел, что часто очереди к ней длиннее, чем к другим продавцам. Мы знали местный язык и разговаривали, писали и читали на нем так же, как и на своем.

После окончания университета я по направлению работал следователем прокуратуры в одном из провинциальных районов. Жизнь здесь ничем не отличалась от той, что в других районах республики. Спокойное, размеренное существование без особых хлопот. Жил я в съемной квартире со всеми удобствами. За короткое время полностью адаптировался к местным условиям. Изредка ездил к родителям. Они у меня были уже пожилые. Тем не менее отец, хоть и был инвалидом войны, все работал в колхозе зоотехником. И мама так же трудилась – завхозом в школе. Все мечтали о внучатах. Как приезжал, задавали один и тот же вопрос: до каких пор буду бобылем ходить? В смысле, пока живы, хотим нянчить внуков. А я, такой-сякой, не желаю их понять. И вообще я эгоист! Ну а мне приходилось отшучиваться, мол, не торопитесь, пока рано. Да и пока достойной девушки не нашел.

И так далее, так далее...

Таким образом прошло несколько лет. Но вскоре по решению правительства по какой-то причине районы начали укрупнять, то есть два объединяли в один. Нашему ведомству подчинили прокуратуру другого района. И, естественно, увеличилось количество серьезных преступлений. Поэтому часто приходилось ездить в разные поселки, деревни района. Честно говоря, несмотря на то что у меня за столько лет жизни и работы в районе завелось бесчисленное количество знакомых и друзей, все же хотелось переехать к родителям поближе и, если будет возможность, то в столицу.

Но вдруг в конце 1963 года меня, довольно молодого специалиста, неожиданно назначили старшим следователем. Видимо, моя работа кому-то из вышестоящих нравилась. Одним из первых, кто меня поздравил с этим назначением по телефону, был мой друг – преподаватель математики в средней школе Рафик Гасанов. Не давая мне спросить, откуда же он об этом узнал, сразу предложил мне отметить это дело и заодно обсудить кое-какие вопросы. Но, ничего не сказав про время и место встречи, быстро распрощался, дал отбой. К сожалению, вечерний вызов к прокурору не дал возможности строить планы встречи с друзьями в ближайшие дни.

Когда я заходил в приемную прокурора, уже темнело. В связи с тем, что рабочий день давно закончился, секретарши на месте уже не было. Я, постучавшись в дверь с табличкой

«Прокурор», попросив разрешения, зашел в кабинет. Его хозяин, худощавый, чуть выше среднего роста мужчина с седым ежиком волос, подпирая голову одной рукой, что-то читал при свете настольной лампы.

– Добрый вечер, Имран Касумович! Вызывали?

– Добрый!.. Добрый!.. Проходите.

Прокурор, встав, протянул руку – его рукопожатие было крепким. Потом, повернувшись к столу, закрыл тонкую папку, бумаги в которой только что читал, и протянул ее мне:

– Как с делом беглеца?

– На завтра к одиннадцати вызвал еще одного свидетеля.

После допроса все станет...

Прокурор нетерпеливо меня перебил:

– Завтра сможешь закончить и все оформить как полагается?

– Думаю, да.

– Прекрасно! Если сможешь, сегодня... – Имран Касумович, спохватившись, посмотрел на напольные часы.

– Сегодня уже поздно. Завтра познакомься с этим, – он указал на папку, которую мне дал. – И, не откладывая, начни. Тут ребята что-то забуксовали. Видать, не по Сеньке шапка!.. Что смогли, собрали. Но это...

Имран Касумович сделал паузу, показав пальцем на потолок, продолжил:

– ...на контроле.

Прокурор на русском говорил чисто, но акцент, естествен-

но, пробивался. Кивнув мне головой, типа «свободен», протянул к себе другую папку, опять уселся за свой стол.

Попрощавшись с прокурором, я вернулся в свой кабинет. Посмотрев на объем собранных материалов и убедившись, что за час мне это все не переварить, решил лучше утром пораньше прийти, чтобы без спешки со всем этим разобраться. Поэтому закрыл папку в нашем допотопном сейфе, натянул на ходу свой местами запятнанный серый плащ, вышел навстречу холодному ветру. Ненастье озлобленно хлестало дождем по щекам.

Эпизод 5. Призрак в Капюшоне

Обычно по утрам меня будил репродуктор, висевший на столбе у амбаров с зерном за железной дорогой. Ровно в шесть утра пробуждение народа начиналась с гимна страны. Потом передавали физзарядку в сопровождении музыки. Ну, после новости... и так далее. А в тот день разбудила меня мама:

– Сыночек, вставай. Выгони овечек, пусть немного попасутся около амбаров. Кажется, вчера дядя Бала пригнал их голодными. Блеют без остановки. До школы пригляди за ними.

– А где отец?

Я хотел возмущаться, что он-то спит, а меня заставляют работать с утра!

– Отец с мужиками ушел! – встревоженно прервала меня мама.

Честно говоря, я еще был сонным и не понимал, куда и зачем мог пойти с мужиками отец в такую рань. Пошел так пошел.

Натягивая штаны и заштопанную на локте рубашку, вышел на веранду, заглянув на так называемую «вешалку» – ровный ряд вбитых отцовской рукой гвоздей. Что бы еще надеть сверху? По утрам было очень холодно. Нашел старую-престарую душегрейку. Несмотря на то, что мое худо-

сочное тело можно было обернуть ею дважды, надел ее и, нахлобучив отцовскую папаху, не выключив на веранде свет, двинулся к сараю.

В темноте чуть не угодил в арык. Который час, черт возьми, что так темно? Обычно к пяти утра уже брезжит свет и петухи начинают орать. А тут полная тишина, кроме вот этих... Услышав мои шаги, как бы подтверждая мои мысли, овечки внутри сарая заблеяли. Как бы из солидарности подал голос из своей конуры и соседский пес неизвестной породы. Вот еще один «волкодав» затыкал с территории хлоп-пункта. Это уже другое дело, даже на душе стало чуточку спокойней. Эх-х-х! Была бы моя воля, лег бы в сарае до школы, захрапел бы с овечками. Открыв замок спрятанным за рамой двери ключиком, выпустил овечек в загон, а новорожденную красавицу с ее мамашей «попросил» остаться в сарае, закрыв дверь. Только хотел выпустить блеющих овец из загона, как мама, одетая в свою телогрейку, появилась на веранде. Но, видимо, в поисках своих галош или по какой-то другой причине она там и задержалась. Найдя отцовскую палку в загоне, я поспешил за вечно голодными моими друзьями, которые уже приступили к трапезе у амбаров. Чтобы хотя бы чуточку покемарить на ногах, я, прислонясь к стене амбара, оперся на палку, хотел закрыть глаза.

Но на торце второго амбара, стоящего во втором ряду, где заканчивался гранатовый сад, раздался шорох, отчего не только я, но даже овечки, испугавшись, бросились врассып-

ную. Я еще плотнее прижался к стене. От противного ядовитого запаха, исходившего от стен амбара, глаза слезились, в горле першило. Видимо, увлекшись борьбой с грызунами, работники амбара обильно пропитали химикатами стены амбаров. Хотя я себя уже считал взрослым, но тут поджилки затряслись. О господи, хоть бы уж мама подошла! Нет, конечно же, я не трус. Просто наверняка из-за вчерашних событий, после самосожжения тети Зейнаб, нервы шалют. Ладно, кто же там в зарослях, а? Может, лиса или кошка? Или собака? По крайней мере других животных здесь отродясь не видали. А овечки, как бы им ни хотелось щипать травку, стояли и внимательно смотрели в ту сторону, откуда раздавался этот проклятуший шорох. И я, чтоб поддержать в себе боевой дух или набраться храбрости, думал для начала какую-нибудь песенку посвистеть. Но сразу же отказавшись от этой затеи, попытался глазами искать маму.

Оттуда, где я стоял в обнимку со стеной амбара, мамы не было видно. Зато место, откуда шел шорох, было на виду. Да и двигаться со своего места куда-либо смелости не хватало. Вдруг опять шорох повторился, только не так, как раньше, не громко. На этот раз еле слышно. Из зарослей постепенно проявилась высокая тонкая фигура в капюшоне. Да, забыл сказать: там, где заканчивалась территория амбара и начинались заросли, то есть сады, находилось ограждение из колючей проволоки высотой в человеческий рост. Так вот, эта высокая фигура в капюшоне, как бы перелетев через этот

забор, через секунду-другую исчезла между амбарами. Если бы не реакция овечек, я бы подумал, что все это мне приснилось. Но овцы, будто встретившись с привидением, так были напуганы, что через три-четыре минуты уже находились у загона, озираясь по сторонам. Естественно, я от них отставать не собирался. И, увидев маму с соседками, напустив на себя храбрости, начал ругать моих друзей:

– Ну чего вы испугались, дурачье?! И куда побежали? Вот останетесь голодными, будете знать!

А у самого сердце готово было выпрыгнуть из груди. И еще подумал: «Куда они – эти женщины? Еще шести нет, а они уже одеты. Куда собрались? Что вообще происходит?» Мама, увидев меня, как мне показалось, удивилась и, прекратив свои разговоры с женщинами, подошла ко мне. Я, не дожидаясь расспросов, начал рассказывать, что тут произошло. И мама, увидев, что я сильно напуган, но хорохорюсь, повернулась к женщинам:

– Давайте чуть подождем. А я часик с сыном...

По-моему, женщины, услышав мой рассказ, испугались не меньше моего:

– Ладно, ладно! Если что, позовешь.

Эпизод 6. Алиби Осла

Мама, повернувшись, зашагала туда, где я и мои подопечные находились десять-пятнадцать минут назад. Когда я подходил к железной дороге, оглянувшись, посмотрел на женщин. При свете с веранды их хорошо было видно. Они, то и дело протягивая руки в сторону леса, то есть к реке, что-то горячо обсуждали. Мама смело шагала в сторону зарослей, начинающихся где-то в трех сотнях метров от амбаров. В этих так называемых зарослях в свое время был яблоневоый сад, его разбивали мой отец и дед Гасан из питомника. Отец, когда сажал эти деревья, смеясь, говорил маме: «Мужчина должен воспитать достойного сына и посадить хотя бы одно плодоносящее дерево». Мы в свое время сюда бегали за яблочками. Они были такие вкусные! Но потом в один «прекрасный» день вырубили этот наш яблоневоый сад. Остались от деревьев только корни, торчащие в зарослях.

Не дойдя до зарослей, мама остановилась. На горизонте постепенно появлялась полоска рассвета. Да репродуктор на столбике неподалеку уже зашипел. На душе становилось немного спокойнее. Тем не менее не хотелось заходить в эти заросли. И на тот случай, если мама захочет загнать туда овец, я решил ее предостеречь:

– Мам, там ведь ни черта не видать, везде коряги. Еще, не дай бог, ноги переломаем.

Мама, отходя подальше от этих зарослей, внимательно прислушивалась к издали доносящемуся шуму реки. Чтобы нарушить тягостное молчание, я спросил:

– Мама, отчего же наши яблони срубили? Ведь яблоки такие были вкусные, деревья так жалко было.

– Знаю, сынок, знаю! – с какой-то горечью, грустью сказала мама, глядя на заросли. – Наверху, в правительстве, к сожалению, не все умные – придумали дурацкий закон. Ввели налог на каждое яблоневое дерево. А откуда у нас деньги, чтоб еще за дерево платить? И так концы с концами еле-еле сводим. А ведь налог не только на дерево. Вот вчера родилась ярочка, и нам за нее надо будет налог платить или же какого-нибудь барана вместо нее убирать.

В это время радио ожило: раздался гимн. И мама, и я от неожиданности вздрогнули.

– Я вот что думаю, – мама взяла себя в руки. – То, что ты видел в зарослях... Может, это был ишак?

Я подумал: «Что это она говорит? Какой ишак?»

Мама, увидев мое недоумение, объяснила:

– Чтоб налог не платить, дядя Сурхай из «Питомника» выгнал своего ишака. И вот этот ишак везде ходит, бродит, где попало пасется. Ну, может, то, что ты увидел...

Я собирался выразить ей свой категорический протест по этому поводу. Не мог сначала подходящих слов найти. Но когда нашел то предложение, что выражало мое оскорбленное чувство, уже было поздно. Кто-то торопливо и шумно

шагал вдоль железной дороги со стороны реки. И, как бы зная, кто это может быть, мама быстро пошла в сторону железной дороги. Я не собирался от нее отставать. Тем более уже надо было собираться в школу. Поэтому и я, и мои подопечные побежали за ней. Тот, кто шумно шагал, поздоровавшись с мамой, поделился:

– Да, там такое!.. Не дай бог! Мужики с вашим отцом там ждут, ну, мало ли что... А я в контору – надо в милицию позвонить.

И когда чуть отошел, повернувшись, добавил:

– Женщинам передайте, чтоб не волновались.

Да-а-а! Кажется, тут меня за несмышленного щенка держат. Когда что-то надо сделать, то я умный, кроме меня эту работу некому выполнить. Ну пожалуйста, сходи, сделай. А когда вот такое... секретные операции какие-то... Тогда я еще не дорос. Видите ли, я ишака с этим, ну... с привидением перепутал. Да я от страха чуть в штаны не наложил, если хотите знать! (А может, и наложил – с подозрением я повел носом и пощупал сзади свои штаны – кажется, все было в норме). А она – «ишак»!.. И не простой ишак, а отпущенный на волю из-за налога... Вот умора!.. А на самом деле никакой уморы не было! Может, этого ишака уже давным-давно нет в живых из-за того, что там наверху... Какое там наверху? Это мама может так сказать. Мы-то все это в школе проходим. Учителя ведь каждый божий день нам все уши прожужжали: «Дорогой Никита Сергеевич, Никита Сергеевич!.. Благода-

ря Хрущеву скоро, совсем скоро будем жить при коммунизме». Ага... будем жить! А мне сегодня вообще обуться не во что. Вчера отец так и не отремонтировал мои ботинки. Воротник рубашки порвался. Мама обещала распороть и перешить. Эхма!.. Лысый мордатый гад! Он же главный, ну, значит, он и эти новые налоги придумал. Как жалко было яблони! Сколько дней мы с сестрой плакали из-за них. Отец с мамой все работают, работают... Каждый день почти. А кушать – хлеб да молоко, хлеб да молоко. Ладно бы хороший хлеб... Два дня назад мама купила черный. Так этот хлеб был похож на жмых. Его даже овечки не едят. А сегодня я все больше злился на то, что все мужики где-то в какой-то операции участвуют, и даже вот все женщины куда-то собрались (наверно, на подмогу), а мне никто ничего не говорит, что это у них там. Да я сам почти что догадался без вас: наверно, какого-то воришку ловите, как два года назад.

Был у нас такой случай. Когда сестренка вместо меня пошла овечек пасти на выпасе, высокий здоровенный бугай, подойдя к ней и отвернув морду в сторону, чтоб сестра не увидела его бесстыжее лицо, схватив ее, закрыл ей ладонями глаза. Тем временем товарищи этого бугая увели несколько барашков. Потом и он смылся. Но не тут-то было... Отец с мужиками изловили его потом. Ну, до прихода милиции немного его повоспитывали!.. Конечно, такой шум поднялся тогда. Эти упыри оказались гражданами соседнего района другой республики. Ну и сейчас так же, наверно. Но, мо-

жет, и не смогли изловить, упустили. Но в милицию сообщить обязательно надо было. Или съездить к ним, или звонить требовалось. Вдруг я вспомнил, что к урокам до сих пор не подготовился. А там Зарифа Мамедовна с ехидцей, со своими остроносыми туфлями. При чем тут туфли, спросите? Так когда не можешь задание решить или ответить, она подходит к доске и тебе, бестолковому, на доске черкая, так шарахнет «ненароком» острым носом своих туфель в ногу, что неделю хромаешь, если не больше.

Чтоб совсем духом не упасть, я себя успокоил тем, что все-таки вчера сделал доброе дело: участвовал в тушении человека, поэтому не мог готовиться к урокам. Правда, что я делал при тушении этого человека, вспомнить так и не смог.

Эпизод 7. О Школьных Днях и Мрачных Сказках

Через полчаса я уже был готов идти в школу. С книжками и тетрадью поплелся в район. Два километра дороги, не меньше страха, чем было ранним утром, с привидением. В двух-трех местах почти всегда утром встречали меня собаки. Одна больше и злее другой. И как ни странно, они каждый раз вели себя по-разному. Одна вообще могла меня не замечать. Но на следующий день бросалась как ненормальная. Кое-как отбивался. Да, не так просто давались мне знания. После встречи с собаками, пока шел до школы, начал вспоминать о том, что учителя рассказывали на уроках, чтобы, если меня поднимут и спросят, что-то суметь рассказать.

После ночных приключений не шли мои ноги в школу. Но надо было поторопиться, а то еще мог и опоздать на урок. Прибавив шаг, я на повороте на центральную дорогу чуть не сбил с ног парня с бледным лицом и опухшими красными глазами. Это был младший сын тети Зейнаб, который вчера вечером просил нас с отцом помочь ему открыть дверь. Взгляд у него был настолько отсутствующий, что на меня он даже внимания не обратил. Мне, конечно же, его и маму его было очень жалко. Хотелось с ним поздороваться и спросить, как его мама. Но я сомневался, что он вообще сможет сейчас кого-то узнать и кому-то что-то рассказать.

В класс я вошел почти вместе с учителем литературы. И напрасно я боялся математичку: она, сказали, заболела, и урока не будет. Вместо него поставили физкультуру. По расписанию мало было уроков, и вскоре так тяжело начавшийся день обрел нечто позитивное. Как правило, после уроков я заходил к маме на работу, где получал ценное указание, что и как делать. И, естественно, не забыть выполнить уроки. Ясно, понятно!..

Зная, что у нас на завтра, то есть на субботу, какие уроки по расписанию, я забежал домой, взял соответствующие учебники и, закрутив, как рулет, тонкий лаваш, помчался на территорию недавно построенного инкубатора, где меня ждали мои подопечные. Овцы встретили меня торжественно, с бляньем. Откусывая лаваш, я пошел вперед, как вожак стаи в поиске мест, где можно было до темноты слегка бока нагулять. И пошли мы туда, где ниже водопада мельницы протекали ручейки с берегами, покрытыми нежной травой. Незаметно день угасал, и я за какие-то три-четыре часа подготовился по устным урокам. Мои подопечные начали подтягиваться к дому. По обочине дороги вдоль высокого забора из сырого кирпича с соломой, пощипывая кустики, овцы медленно двигались к стоящему у дороги сыродельному цеху. Издалека я увидел отца с длинной палкой, идущего навстречу заведующему сыродельным цехом дяде Кериму. Через несколько минут, подойдя к ним, я поздоровался и чуть отошел, чтобы не мешать их приватной беседе. Видимо, отец

отвечал на вопросы дяди Керима по поводу ночного кипиша. Я, наострив уши, внимательно слушал рассказ отца:

– Мы и так поздно легли. Наверно, сам знаешь, что произошло. От переживаний уснули хрен знает во сколько. Ночью, когда вышел по нужде, только пристроился, и вдруг издадала та-а-а-кой крик!..

Отец сделал гримасу и, повернувшись боком к железной дороге, рукой указал в сторону моста через реку.

– Я стоял как вкопанный и думал: «Боже, что это за такой крик и что за день такой! То Зейнаб себя сожгла, то этот крик!..» И вдруг раздался шум шагов. Оглянулся. Смотрю, сторож хлоппункта дед Шамиль от ворот идет с карабином, у него был испуганный вид. Видимо, тоже услышал этот крик и, конечно же, тоже испугался. Тут я чуть не расхохотался: ни фиги себе, сторож и с таким карабином с полной обоймой какого-то крика испугался!

Отец продолжил:

– Он подошел ко мне и хотел что-то спросить. В это время еще раз крик раздался, четко было слышно: «Помогите!» И все, больше ничего! Ну, дед Шамиль, еще пуще испугавшись, спросил:

– Что делать будем?

– Наверно, надо будет сходить туда. Посмотреть вдоль железной дороги до реки. Крик-то с той стороны раздался.

– Что, пойдешь один? Не сходи с ума, мало ли что! Подожди.

И пошел к дому агронома. Как раз у того свет горел, через окно видно было. Дед Шамиль в окно постучал, и агроном через минуту вышел на веранду.

– А я тем временем зашел домой приодеться. Ну, тут жена проснулась, конечно.

– А сколько человек-то вас было, когда пошли туда? – прервал отца дядя Керим.

– Да четверо нас было. Сын деда Шамиля Имран, агроном, его сосед Полад и я.

После отец, повернувшись ко мне, показал на столпившихся овец:

– Давай, отгони в сарай. Пусть мама подоит. Я скоро буду.

Как бы мне ни хотелось услышать продолжение рассказа отца, пришлось повиноваться. Чуть позже, пока мы с мамой управлялись в загоне, пришел отец.

Эпизод 8. Тихие Подозрения

Мы с мамой ушли домой, а отец остался, чтобы проверить, как развивается ягненок, и покормить его маму. Пока ягненок не окреп, не хотели их выпускать с остальными. Когда мы с мамой поднялись на веранду, там по-прежнему воняло сажей и керосином.

– Мама, когда этот запах исчезнет? Ведь все помыли вроде! – спросил я.

– Мы же только на веранде помыли, а воняет через дверь из комнаты. Керосин-то она на себя там, в комнате, вылила.

– И как ты думаешь, выживет ли она?

– Дай бог, чтоб выжила!

– Слушай, ну почему она сожгла себя?

– Не знаю, сынок, пока не знаю. Полиция рано или поздно выяснит.

– Мам! Я тебе не рассказал. Ведь утром в районе, когда я на центральную поворачивал, младшего сына тети Зейнаб чуть с ног не сбил. Он вообще как будто вокруг себя ничего и никого не видел. Сам бледный, глаза красные-красные. Он, наверно, всю ночь не спал и плакал. Жалко!

Мама молча, глубоко вздохнув, протянула мне пустой чайник и, взглядом показав, что надо делать, начала процеживать молоко. Я, выполнив ее молчаливую просьбу, пошел к себе делать оставшиеся уроки. Я слышал, как через некото-

рое время пришел отец. Пока уроки делал, не прислушивался, о чем родители говорят. Хотя мне показалось, что отец спросил:

– Чем расстроена?

А чуть позже, когда мои дела шли к завершению, я начал прислушиваться, чтоб не пропустить радостное для меня сообщение: «Иди кушать». Разговоры у родителей шли о всякой чепухе. Вдруг – мама:

– Все хотела тебе рассказать, то забуду, то некогда... За день до случая с Зейнаб, когда вы были на шестой площадке, мы с женщинами пошли в контору, за зарплатой...

Отец ее прервал:

– Осторожно, молоко сбежит!

Через некоторое время мама продолжила:

– Я эту девку увидела перед конторой. Ну, сноху Зейнаб. Наши женщины показали. Слушай, не смейся! Я, увидев ее, настолько неприятно поразилась! Сначала не поняла, кого же это она напоминает? А потом вспомнила, кого!

Видимо, отец по интонации мамы понял, о ком идет речь:

– Слушай, ну забудь, забудь! Ну мало кто на кого похож. Тем более столько лет прошло... Хотя такое непросто забыть. Она что? Устроилась здесь на работу?

– Да я не знаю! Вот что думаю: может, она ему кем-то придется?

– Не пойму, она что, с той республики?! – Отец рукой на запад указал.

– Я же тебе говорю: не знаю!

В голосе мамы чувствовались слезы и тревога. Я, не выдержав, собрал к завтрашнему дню нужные книги и тетради и вышел к ним:

– Мам! Ну дашь чего-нибудь пожевать? Я уроки сделал, так охота спать!

– Иди, сынок, садись. Сейчас налью...

Мама, разливая по тарелкам молочный суп с рисом, продолжила начатый с отцом разговор уже без надрыва. Видя, что обстановка успокаивается, я быстро съел свою порцию и удалился в свои «апартаменты».

Эпизод 9. Воспоминания под Тутовым Деревом

Несмотря на то, что жителей в нашем поселке было всего человек двадцать-двадцать пять, среди них были очень незаурядные, интересные личности. Например, заведующий универмагом в районе. Жена его до рождения ребенка работала в конторе. А потом, когда у них родилась девочка, она с ней так и сидела дома. К сожалению, Зейнал – его так звали – в последнее время часто возвращался домой поддатым. И когда бывал в таком состоянии, обычно приезжал на такси. Хотя у него имелась своя машина, я ни разу не видел, чтоб он за рулем был «веселым».

На следующий день, то есть в субботу, я пригнал своих подопечных чуть раньше, чем полагалось. В клубе МТС должны были показывать фильм «Седьмое путешествие Синдбада». Но, к сожалению, только когда я прибыл в поселок, узнал, что этот фильм отменили, поэтому мы с отцом подремонтировали ограждения загона. Я, приседая на корточки, держал снизу прутья, а отец, вдевая их в поперечные, прижимая друг к другу, укреплял. И вдруг он, подняв голову и глянув в сторону сыродельного цеха, удивленно произнес: – Вот это да-а-а! Что это он так, пешком? Чудеса! Вроде и не выпивши. Ни разу не видел, чтоб Зейнал домой пешком пришел.

Меня раздирало любопытство. Я поднялся на цыпочки, посмотрел сквозь щели прутьев. Отец, проверив, как мы отремонтировали ограждения, сказал:

– Ладно, сынок, бросай. На сегодня хватит.

И, переходя арык, достал из кармана папиросы «Казбек», закурил, присел под тутовником на один из пеньков. Я тоже опустил рядом.

Как всегда, элегантно, красиво одетый в костюм и плащ Зейнал, подходя к нам, поздоровался с отцом за руку и, не боясь испачкать свои брюки, откинув полы плаща, тоже присел на один из пеньков. Отец протянул ему папиросы:

– Закури...

– Нет, вы же знаете, я не курю. И вы бы не курили, а... Слышу ведь, как кашляете!

– Ты прав, сынок... Но не могу... это... А чего ты сегодня пешком?

– Да вот, решил... Поправляться я стал, нехорошо. И жена ворчит! Поэтому надо немного и пешком ходить, – сказал Зейнал и, выдержав небольшую паузу, продолжил:

– Дядя Салех! Сегодня мы пообедали кое с кем из милиции... Сами знаете, они часто заходят к нам в магазин – приходится с ними дружить. Честно говоря, нелестно отзывались о нашем поселке. Ну и еще разговор зашел про этот случай. Ночью, у реки... Про погибшего... Там вроде все ясно: убили одного из наших товарищей. Но про второго... Мне показалось, что ко второму они относятся с сомнением. У

меня прям после разговора с ними в душе горький осадок остался. Вы мне можете рассказать, что же на самом деле у реки произошло?

Отец, усмехнувшись, глубоко затаился и, несколько раз надрывно кашлянув, сказал:

– Я их не осуждаю. У них это... ну, выработалось недоверие к людям.

Отец опять достал папиросу, начал ее нещадно мять. Потом, не зажигая, положил обратно в коробку:

– В общем, так-то я понимаю их скептицизм! Но это не сказки, а реальность. Пусть еще раз допросят меня, ребят. Не бывает ничего вечно тайного! Все рано или поздно станет известно. А что касается поселка...

Отец, не договорив, опираясь на меня, встал, я тоже. Было уже почти темно. Попросив меня загнать овечек в загон, отец направился домой. Зейнал, тоже встав вслед за отцом, спросил:

– Дядя Салех, а за что вы сидели?

Я хотел было возмутиться таким наглым, хамским вопросом, но отец очень спокойно, не останавливаясь, как бы себе ответил:

– Дела давно минувших дней, мой мальчик!

Эпизод 10. Безмолвные Связи

С веранды соседнего дома донесся голос:

– Ты долго там будешь?! – сердито спросила жена Зейнала.

Когда я подходил к железной дороге, дочка Зейнала уже радостно визжала:

– Па-па, па-па!

Минут через десять, когда в загоне все угомонились, мама пришла с небольшим ведерком. Я, оставив ее доить овец, пошел домой. Но, не дойдя до веранды, увидел поднимающегося туда младшего сына тети Зейнаб. Я, повернувшись, опять пошел обратно. Через забор загона позвал маму:

– Мам, ты скоро?

– Сейчас!

Через некоторое время мама, протянув мне ведерко, начала вытирать руки брошенной на плечо тряпкой.

– Ты вроде домой уходил?

– Мам, Арзу пришел, тети Зейнаб младший.

– А-а-а-а! Вот как... Ну пойдём, узнаем, как там Зейнаб. Мы утром были у нее. Но нас к ней не пустили. Дай Аллах ей выздоровления.

Когда мы поднялись на веранду, слышали глухие рыдания. Мне ужасно тяжело было слышать этот плач. Я сам чуть не заревел – комок в горле стоял. Мама, меня подтолкнув,

сказала:

– Иди поставь ведро.

В это время отец вышел мне навстречу. Мама, нагнув голову к нему, шепнула, пальцем показывая в сторону, где тихо плакал Арзу:

– Кажется, Зейнаб!.. – не договорив, тихонько подошла к Арзу.

Через некоторое время, когда мама вернулась домой вся в слезах, нам стало известно о кончине тети Зейнаб. Отец что-то сказал маме, выйдя на веранду, позвал меня:

– Иди к дяде Юсифу, скажи, что я его в сарае жду.

А когда я возвращался от дяди Юсифа, отец, уже зажигая керосиновую лампу, приготовился резать барана. Через несколько минут дядя Юсиф, придя со своим ножом, молча начал помогать отцу. В ту ночь в поселке вряд ли кто-то спал полноценно.

На следующий день всем поселком хоронили тетю Зейнаб. Мужики из огромного брезента, принесенного из хлопункта, построили под тутовниками большую палатку, дали эхсан³, приготовленный из баранины женщинами во главе с мамой. На похоронах из родственников был только младший сын покойной Арзу, больше никого. Ни ее старшего сына, ни снохи. Но мне казалось, что с этого дня уже весь поселок стал для Арзу близким родственником.

³ Поминки, поминальная трапеза (с азерб.).

Эпизод 11. Игорь Пахомов – 2

На следующий день из постели рано выбраться не удалось. Прошедшим вечером холодный осенний ветер с дождем сделали свое дело. Пока я домой добрался, весь промок и околел. Пока воды вскипятил, чай заварил, полчаса прошло. Быстро поужинав парой кусочков черного хлеба, намазанных маслом, улегся под одеяло. Проснулся поздно, с головной болью и насморком. Хорошо, что температуры не было. Конечно же, в тот день я впервые в жизни пожалел о том, что я не женат. Иначе вечером к моему приходу был бы уже готов ужин с горячим чаем. А после – теплая постель, еще с горячей грелкой на все тело!.. Вот тогда и не было бы сегодня этого дурацкого насморка и волнами накатывающей головной боли. Но ничего не поделаешь. Откроется аптека – куплю какие-то таблетки. Быстро сделав глазунью из последних оставшихся яиц, без хлеба проглотил ее и поторопился на выход.

Ни дождя, ни ветра сегодня не было. Но все равно я мерз. От моего дома до работы – около километра. Через пятнадцать-двадцать минут я был уже на месте. Поздоровавшись с дежурным, забрав ключи от кабинета, прошел к себе.

Первым делом, как прокурор велел, надо было изучить содержимое вчерашней папки, а после опять заняться делом этого беглеца, поэтому, не снимая подсохшего за ночь пла-

ща, через силу приступил к делу. Достав из объемного чрева сейфа серую папку, открыл ее. Дело об убийстве начальника местной заготконторы. Следователь районной прокуратуры и оперативная группа райотдела милиции были вызваны одним из жителей поселка хлоппункта. Звонок поступил дежурному районной милиции по 02. Группа прибыла на место происшествия в 05:25. Следователь районной прокуратуры установил: «С 14 на 15 октября примерно в два часа ночи вышедший на улицу по нужде житель поселка хлоппункта Салех Караев услышал со стороны реки крик: «Помогите!». Спустя несколько минут заметивший в такой поздний час Караева во дворе своего дома сторож хлоппункта Шамиль Рустамов, подойдя к Караеву, поинтересовался его мнением по поводу этого крика. В это время раздался повторный крик: «Помогите!». Не оставшись равнодушными, сторож Ш. Рустамов и житель поселка хлоппункта С. Караев обратились к еще бодрствующим своим троим соседям с предложением о помощи кричавшему. Таким образом, была организована группа из четырех человек, при поиске кричавшего она обнаружила недалеко от реки зарытого в песок по шею человека и лежавшего в двух метрах от зарытого лицом вниз человека в капюшоне. Визуально их определили как мертвых, для вызова милиции по телефону был делегирован в контору один человек из этой группы. Но оперативная группа по прибытии на место происшествия обнаружила только одного пострадавшего – зарытого в песок. По утвер-

ждению этих свидетелей, второе тело все же было. Но во время отсутствия свидетелей с места происшествия второе тело исчезло». Далее были показания свидетелей и нескольких жителей этого поселка, справка об установлении личности пострадавшего. В самом начале, когда прибыла оперативная группа, погибшего узнал замначальника угрозыска, возглавляющий группу. Еще фотографии с места происшествия и заключение судмедэксперта. По этому заключению было выяснено, что погибший вначале, когда его зарыли в песок, был еще жив. Смерть наступила за 15-20 минут до появления «спасателей». Максимум за полчаса. Судя по следу на шее погибшего, его задушили ремнем. Но на месте происшествия никаких ремней и лопат не было обнаружено. Далее шли постановления об обыске в кабинете погибшего, протоколы допросов главного бухгалтера, кассира и еще нескольких человек. Несмотря на утверждения главного бухгалтера о наличии у погибшего крупной суммы под отчет, при вскрытии сейфа никаких денег не нашли. Зато обнаружилась верхняя одежда, висевшая на вешалке, – пальто и пиджак. Во внутреннем кармане пиджака нашелся самый главный документ – почти что новенький паспорт, который был прикреплен к делу, и в боковом кармане ключи, предположительно от квартиры. И наконец, протокол обыска в доме погибшего при понятых, который следствию никакой помощи не оказал. Далее... А далее следствие забуксовало. Я закрыл папку. Да-а-а!.. Негусто, конечно. Доставая платок,

заглушил набежавший чих. И в это время раздался стук. Я глянул на часы. Кажется, судя по времени, пришел свидетель по делу беглеца. Не торопясь спрятал дело заготовителя на верхнюю полку сейфа, все обдумывая, как же быть дальше. В дверь постучали еще сильнее. Достав со средней полки другое пухлое дело, я обреченно крикнул:

– Войдите! – и себе под воспаленный нос пробормотал: «Семимесячный⁴!..».

Через час, допросив последнего свидетеля по делу беглеца, написав постановление, закрыл дело. Глаза слезились. В горле першило. Надо было разбушевавшийся организм чем-то успокоить. Другого варианта не нашел, как выпить горячего чая. Достав электроплитку из недр тумбочки, воткнул вилку в розетку, водрузил на нее эмалированный чайник со вчерашним кипятком. Сняв помятый плащ, бросил его на спинку стула, забрал из сейфа пока жидкое дело заготовителя и положил перед собой.

⁴ Здесь: торопыга.

Эпизод 12. Игорь Пахомов – 3

Итак, судя по делу, выяснили, что заготовителя убили. И, видимо, из-за пропавших из сейфа денег. По крайней мере пока другой причины я не видел. Но возникал вопрос: почему вообще надо было убивать этого... заготовителя? А не проще ли было бы, временно нейтрализовав сторожа, вскрыть этот чертов сейф и забрать все то, что было в нем? Зачем надо было идти на мокрое дело?! И притом убивать таким изуверским способом?! С элементами скафизма – древнеперсидского метода казни, приводящего к особо мучительной смерти.

У нас в университете были гениальные преподаватели – ходячие энциклопедии. На одной из лекций доктор исторических наук профессор Велизаде подробно излагал описание таких пыток византийского летописца двенадцатого века Иоанна Зонара. Нет, тут что-то не так! И еще: нельзя было сбрасывать со счетов показания жителей поселка, которые обнаружили тело. А они утверждают, что пострадавших было двое. Пока жители сидели чуть подальше от места происшествия, тот, который лежал в плаще вниз лицом, пропал. Испарился, не оставив никаких следов... Мистика какая-то!.. Лежал, лежал и вдруг незаметно, без шума, бац... Исчез. Да!.. Ей-богу, это дело мне все больше и больше не нравилось! Чувствовал одним местом, что мы с ним еще на-

мучаемся. Вернее, я намучаюсь.

Крышка чайника начала прыгать. Вытащив вилку из розетки, засыпал стакан чабрецом. Залив кипятком в стакан, прикрыл блюдцем – пусть пока заваривается.

Так... Далее, наверно, для начала надо бы изучить ближайшее окружение заготовителя. По установленным фактам, у него ни жены, ни детей не имелось. Тогда надо уточнить, с кем же сожительствовал или состоял в интимных отношениях этот горе-заготовитель. Как правило, женщины всегда много знают о своих мужчинах. Быстро изложив на бумаге дальнейший план моих действий, аккуратно поместил листы в дело. В это мгновение цоканье женских каблучков, доносившееся из коридора, прекратилось у порога моего кабинета, и раздался ожидаемый мной стук в дверь. Видимо, кому-то из прекрасной половины человечества я понадобился. Делать было нечего:

– Войдите!..

На пороге появилась очаровательная Александра – секретарша нашего прокурора. Саша, как мы ее называли, была без пяти минут юристом. Она заочно училась в университете на последнем курсе юридического факультета и жила с родителями и младшей сестрой в поселке «Питомник». Чуть вздернутый носик, подкрашенные пухлые губы и зеленые большие глаза придавали ей особый шарм. Она вела себя со мной подчеркнуто сухо и вежливо. Но не упускала момента меня подколоть, сыронизировать: «Игорь Владимиро-

вич у нас, кроме работы, ничем не интересуется. У него в голове только одни нарушители закона и преступники». И вот эта очаровашка, встав в проеме двери, с любопытством разглядывала меня:

– Привет, Са-а-ш! Проходи! Чай будешь?

Очередной чих предотвратить не успел, наверно, на всех этажах было слышно.

– Привет! Заболел, что ли?.. – удивленно-жалостливо спросила она, вплотную подойдя ко мне, и обратной стороной ладони дотронулась до моего лба. Убедившись, что температуры нет, по привычке добавив в голос ехидцы, продолжила:

– С гриппозными не пью и не общаюсь! Не хватало еще заразу подцепить!

– Да не гриппую я... Вчера под дождь попал – малость переохладился. Я серьезно... Чай будешь?

– Да я бы с удовольствием! Так хорошо чабрецом пахнет. Просто Имран Касумович не в духе. С кем-то, – Саша большим пальцем показала на потолок, – опять поцапался. И задал работы выше крыши. Да велел тебя найти. Но давай, гриппозный, чай свой выпей – и на ковер. Не задерживайся!

Саша, осторожно прикрыв дверь, упорхнула. Стараясь утихомирить, как всегда, охватившее меня при ее виде волнение, я достал литровую банку кизилового варенья, купленную на местном рынке, обжигаясь, вприкуску начал пить чай. Попутно обдумывал еще раз мой дальнейший план дей-

ствий по поводу дела заготовителя. Моя интуиция мне подсказывала – это преступление связано с прошлым убитого. Вытерев со лба выступивший после горячего чая пот, обреченно захватил папку и пошел на ковер. Саша стучала на машинке. При моем появлении, чуть оторвавшись от клавиш, движением головы показала: «Давай, проходи...»

Имран Касумович действительно был не в духе. Но, не подавая виду, выслушал меня, задал несколько вопросов по делу, утвердив размашистой подписью мой план действий, пожелав мне удачи, отпустил. Но когда я был около двери, он негромко сказал:

– Ты это... давай без фанатизма! Не дергайся пока! Сначала подлечись... Здоровье важнее!

Имран Касумович, еще раз посмотрев из-под кустистых бровей, кивком головы отпустил меня.

Я, сказав «спасибо», закрыл дверь. Саша все стучала, но при моем появлении прекратила, окинула меня взглядом, как бы оценивая мое состояние. А мне, по большому счету, требовалось к врачу. Но я с упорством местного осла противился этому, поэтому беззаботно, дурашливо сообщил Саше:

– Так... Меня выгнали домой... лечиться!

Осмелев, я прижался к спинке стула, где сидела Саша, приобнял ее. Она, замерев на миг, подалась ко мне. После, отпрянув назад, развела в сторону мои руки:

– Игорь, ну!.. Увидят же!..

Я нахально шепнул ей на ухо:

– Ах, вот ты как, а!.. Если со мной что случится, я записку оставлю, кто повинен в этом. Поняла?!

– Иди, иди... писатель! Лечись давай.

Пришлось подчиниться. Но, прежде чем уйти, я нежно коснулся губами ароматной шелковой кожи шеи. Я быстро покинул приемную, чтоб не услышать вдогонку: «Нахал» или типа того.

Я закрыл все бумаги в сейф, опечатал его, вернул в тумбочку остывшую электроплитку, надел помятый плащ и, вспомнив, что у меня дома хоть шаром покати, захватил с собой эту банку варенья, а потом как в тумане поплелся домой.

И все-таки как было бы здорово, если бы если не Саша, то такая, как она, ждала бы меня! Когда дошел до дома, меня уже бил озноб. Поставив чайник, еще раз попил чай с вареньем, но не мог согреться. Видимо, у меня поднялась температура. Раздевшись, с головой укрылся одеялом и незаметно уснул.

Проснулся от прохладного прикосновения. Вначале мне показалось, что я уперся лбом в железное изголовье кровати. Но прикосновение было нежным, хоть и прохладным. И вроде проснулся, кое-как разлепил глаза. Но, видимо, я еще спал. И мне снилась улыбающаяся Саша, которая, держа в руках полотенце, вытирала мне лоб и при этом что-то шептала. Нет, точно, я не спал! Саша сидела около меня на кро-

вати. Я, блаженно улыбаясь, поцеловал ее руку, прохрипел:
– Я, кажется, попал в капкан!

После, выпив содержимое протянутого мне стакана, снова провалился в сон.

Эпизод 13. Игорь Пахомов – 4

Три дня провалявшись с температурой, на четвертый день благодаря Саше я вышел на работу. Все это время Саша ухаживала за мной, только на короткое время отлучаясь домой. В последнюю ночь, когда я почти выздоровел, она уехала к себе. За эти три дня для меня многое изменилось. Но об этом позже.

В этот и следующий день по делу заготовителя ничего особенного не произошло. Отыскивали женщину, которая убирала, стирала и готовила для него. Пожилая одинокая пенсионерка, после смерти мужа от скуки, естественно, за определенную мзду, ухаживавшая за ним, ничего нового нам не смогла сообщить. Но то, что тот жил на широкую ногу, она подтвердила, показав полный продуктов холодильник «ЗИЛ-Москва», и телевизор с установленной рядом с домом высоченной антенной, и много чего еще. Надо было торопиться, поэтому, позвонив участковому, попросил привезти ко мне в девять утра Арзу, сына Зейнаб, которая совершила суицид через самосожжение. От заведующего магазином Зейнала поступило сообщение операм из милиции, что когда Арзу услышал о гибели заготовителя, то как-то при разговоре с соседями отметил, что случайно в начале сентября субботним вечером в чайной «Чинар» увидел очень знакомое лицо, но не мог вспомнить откуда его знает. Мужики,

которые сидели за соседним столом, на вопрос, заданный товарищу, кто же этот человек, перед которым шеф-повар так лебезит, услышали ответ: «Так ведь это же начальник заготовконторы». А утром следующего дня, когда Арзу шел на работу, еще раз увидел заготовителя в машине, видимо, ехавшего на работу. И вспомнил, где его видел раньше. Только под другим именем. Но, возможно, это был другой человек, просто очень похожий.

Арзу привели ко мне в назначенное время. Я представлял его здоровым детиной. Где там: худощавый паренек с бледным лицом, невысокого роста, несмело войдя, поздоровавшись, встал у дверей. Грустные глаза смотрели куда-то поверх моей головы. Наверно, на пять-шесть лет младше меня. Мне его жалко стало! Конечно, ничего приятного не было в принужденном приводе к следователю, поэтому, чтоб его успокоить, извиняющимся тоном я сказал:

– Вы не волнуйтесь, пожалуйста, проходите, присядьте вот сюда.

Показав ему, куда надо садиться, стал заполнять протокол допроса. Через некоторое время, убедившись, что он чуть успокоился, продолжил:

– У нас есть несколько вопросов к вам.

Я достал из папки фотографии разных людей, положил перед ним:

– Скажите, пожалуйста, знаете ли вы кого-нибудь на этих фотографиях?

Арзу, внимательно посмотрев на снимки, ткнул пальцем на фотографию заготовителя:

– Вот этого!

– Можете сказать, кто он, как его зовут: фамилия, имя, отчество?

– Я не знаю точно, как его сейчас зовут. Ребята, когда я его здесь в павильоне увидел, говорили, что он начальник местной заготконторы и зовут его Зохрабов, то ли Джалал, то ли Джамал...

Арзу, вытерев рукавом пиджака выступившие на лбу капли пота, замолчал. Видимо, он был из тех людей, которые считают, что молчание – золото.

– А почему вы сказали, что не знаете точно, как его сейчас зовут? Вы что, раньше его под другим именем знали? Может, вы обознались? В конце концов, разве мало похожих людей? Даже, допустим, очень похожих?

Арзу, еще раз вытерев лоб, не торопясь ответил:

– Нет, я не мог обзнаться. Он ведь часто приезжал в контору, где моя мама работала. Я после школы очень часто бывал у нее на работе. Правда, у него тогда были усы. А здесь он без них.

– А где ваша мама работала?

– Как где? В табачном пункте, весовщицей. В Басаргечаре...

– А сюда когда переехали?

– Год и пять месяцев назад.

– А что еще вы про него можете сказать? Допустим, с кем он здесь дружил или был в приятельских отношениях, часто общался?

– Я про то, что здесь у него было, не знаю. Только один раз его в чайхане видел, где и от ребят услышал то, что вам рассказал. Нет-нет! Я его еще один раз видел. Мельком... На следующий день после того, как я его увидел в чайхане, утром я шел на работу, он на машине проехал мимо. А в Басаргечаре он, как моя мама говорила, дружил с завскладом. Как его... Зверь Эдуард! Да, он с ним дружил.

– Что, у этого Эдуарда... фамилия была Зверь?

– Нет! Это у него кличка такая. А почему, не знаю.

Я почувствовал, что Арзу по этому поводу что-то знает или по крайней мере слышал, но не хочет распространяться на эту тему. Задав еще несколько вопросов, оформил протокол допроса, протянул ему: «Прочитайте, пожалуйста. Если согласны, внизу напишите: «С моих слов написано верно». Подпись и дата».

Подписав повестку и пропуск, отпустил его. Положив протокол допроса в дело, задумался. Ясное дело, у заготовителя здесь был или есть покровитель, который помог ему здесь устроиться на такую должность. Но он вряд ли причастен к убийству... В первую очередь была же какая-то причина, по которой заготовитель сменил фамилию и место жительства. Без веской причины он навряд ли пошел бы на это. Тем более он, по словам Арзу, и на прежнем месте на хоро-

шей должности работал. Какой был смысл менять шило на мыло?

Нет!.. Что ни говорите, причину такого убийства надо будет искать там, где он раньше жил. Но тем не менее надо будет еще раз перепроверить, с кем он здесь был на короткой ноге. Это во-первых. Во-вторых, может, кто-то из своих рабочих видел или слышал что-то такое, что вызвало вопросы или подозрения. Может, кто-то видел крутившегося у них там знакомого или незнакомого человека. Особые приметы: худой, высокого роста. Я нисколько не сомневался в причастности к убийству исчезнувшего второго «трупа». Но его присутствие на месте преступления тоже вызвало вопросы. Да! Так или иначе, поездки в этот Басаргечар не избежать, поэтому, быстро набросав рапорт на имя шефа, я устремился в приемную – не столько за подписью начальства на рапорте, сколько повидать Сашу. Когда я зашел в приемную, Саша выходила с бумагами от Имрана Касумовича. Она улыбнулась:

– Во как!.. На ловца и зверь бежит!

– Кто ловец, кто зверь, а?

Саша ловко отстранилась от моего поцелуя:

– Игорь!..

Увидев мой грустный вид, она засмеялась и, сама быстро поцеловав меня, подтолкнула к двери шефа:

– Иди, тебя ждет!

Эпизод 14. Игорь Пахомов – 5

Оформив командировку, подписав у Имрана Касумовича документы, на следующий день я отбыл рейсовым автобусом в Басаргечар. Но когда шеф подписывал документы, он передал мне еще очень ценную бумагу, обязывающую правоохранительные органы всемерно содействовать мне в расследовании дел.

Перед посадкой на автобус я весь извертелся. Чем меньше времени оставалось до отправления автобуса, тем тяжелее становилось на душе. Курящий шофер автобуса, в стороне прислонившийся к столбику, подвинув к затылку кепку-аэродром, попинав переднее колесо, негромко объявил:

– Займите свои места. Пора!

Курящие, побросав сигареты, неспешно начали продвигаться вглубь салона:

– Ты что не садишься?.. Передумал ехать? – раздался сзади насмешливый голос Саши. Я засиял, как восходящее солнце.

– Привет, Са-а-а-ш!..

– Привет, Игорь!.. Это... я тебе книгу принесла, чтоб в дороге не было скучно. Тут про таких, как ты.

Саша, поднявшись на цыпочки, поцеловала меня. После, придавая лицу серьезный вид, сказала:

– Ладно, иди садись... И не балуйся там. Не хулигань. Зна-

ем мы вас – командированных!

Потом, не сдержавшись, засмеялась:

– Удачи тебе и возвращайся скорее.

Саша, протянув мне книгу, подтолкнула к автобусу. Через десять минут город наш остался позади. Автобус, изредка фыркая, как застоявшейся конь, не сбавляя скорость в населенных пунктах, громко сигналив, начал обгонять попутные машины. Некоторые пассажиры уже сразу начали посапывать.

Устроившись поудобнее, достал книгу, завернутую в газету «Бакинский рабочий». Вот подарок! Ай да Саша! Новое произведение моего любимого писателя Гасана Сеидбейли «С фронта на фронт». Вскоре книга так меня захватила, что почти не заметил, как доехали до Дилижана. Было около часа дня. Водитель, объявив пятнадцатиминутный перекур, куда-то умчался. Пассажиры начали расходиться кто куда. А я просто вышел покурить около автобуса, став объектом насмешек и ругани местных зевак и попрошаек. В первый раз увидел пример серьезного негативного отношения местных к приезжим из нашей республики. Здесь никакой дружбой народов СССР и не пахло. Вот тебе на!.. Слышал, разговоры ходили об этом давно. Сходя в уборную, опять занял свое место. Через несколько часов наконец-то добрались до места. Чуть-чуть поплутав, отыскал так называемую гостиницу, устроился в двухместном номере.

Эпизод 15. Отец

После похорон тети Зейнаб отцу становилось день ото дня все хуже и хуже. Ночами его надрывный кашель не давал нам спокойно спать. Он похудел, осунулся. К врачам обратился в первый раз тогда, как я понял, когда его вызвали в милицию по поводу смерти начальника заготконторы. Я про то, что отцу врачи сказали, ничего не знал. И тем более про милицию. Мне же никто ничего не говорил обо всех этих делах. Но помню, что отца и его товарищей, которые с ним вместе ходили к реке из-за ночного крика «Помогите!», несколько раз вызывали в милицию, допрашивали. Тогда из нечаянно подслушанных мною разговоров мамы и отца я понял, что произошло на берегу реки той ночью, когда отец с мужиками пошли туда. Но в этой истории самое прикольное было то, что один из мертвых ожил и убежал. Зная о том, что тела нельзя трогать, пока милиция не приедет, мужики одного из товарищей по имени Идрис отправили в контору для вызова милиции. А сами, присев на рельсы на возвышенности, стали ждать. Когда Идрис, дождавшись около конторы хлоп-пункта, привел милицию на место происшествия, почти рассветало. Милиция при осмотре места происшествия обнаружила, что никакого второго трупа, о наличии которого заявляли свидетели, нет, отчего отец и его команда, естественно, пришли в ужас: как так?.. Пока они сидели там, навер-

ху, на рельсах, без сна, этот труп ожил и убежал?! Дождавшись полного рассвета и тщательно исследовав место происшествия, милиция, предупредив отца и товарищей о том, что им запрещен выезд из района, отпустила их по домам. Куда делся второй труп, так и осталось загадкой.

Несмотря на то, что отец болел, он все равно ходил на работу. И пил какие-то пилюли, которые врачи ему прописали. Мама старалась всеми возможными народными средствами поддержать здоровье отца. И в какой-то мере это ей удавалось. Вроде отцу полегчало. Пару месяцев спустя после этих событий, накануне шестьдесят пятого года, стало известно, что уголовный розыск все-таки напал на след преступников, совершивших убийства. А за неделю до этих известий я слышал, о чем вечером за ужином отец рассказывал маме. В тот день прибежавшая секретарша сообщила отцу, что его для какого-то поручения вызывают в контору. А когда он туда пришел, его перед зданием на скамейке ждал мужчина средних лет со старым потертым портфелем.

Эпизод 16. Схороненные Истины

При виде отца он, встав со скамейки, с несвойственной работникам милиции вежливостью протянул руку, поздоровался и, пригласив его присесть, представился:

– Я – следователь по особо важным делам. Зовут меня Игорь, Игорь Пахомов. По батюшке – Владимирович. Я из местных – молокан. Ради бога, извините, что вас пригласили сюда таким необычным способом. Просто не хотелось лишний раз привлекать внимание людей к нашей встрече. И, учитывая то, что вы немного нездоровы, приглашать вас повесткой к нам тоже не хотелось.

Отец присел рядом, достав папиросу, сказал:

– Я вас слушаю. Но ведь мы в милиции все по несколько раз рассказывали, как было дело. Что еще говорить? Не знаю.

– Прежде чем вас беспокоить, мы перелопатили уйму документов, касающихся личности убитого, его прошлое, настоящее и много кое-чего. Но предстоит еще столько работы... Все-таки мало времени прошло со времени преступления. Вот вы прошли войну, знаем, потом, можно сказать, ни за что пять лет отсидели. Когда вы пришли к месту преступления, ориентируясь на крик о помощи, что показалось для вас странным?

– Когда мы обнаружили их, долго не могли в себя прий-

ти: не каждый день такое увидишь. Мы, естественно, таким необычным убийством были очень шокированы. Сначала кое-как издали посмотреть. Видите ли, мы же не могли очень близко к трупам подойти – следы бы затоптали. Фонари у нас хоть и были, два фонаря, но плохо освещали, хотя лицо закопанного мы неплохо видели. Он был мертв. А вот второй... ну, который исчез... Лежал он очень странно, как будто специально так, чтобы его лицо не было видно. Да, он очень странно лежал. Сначала меня даже подмывало повернуть его. Но увы!.. Это могло быть чревато!

– Но вы же его со спины хорошо видели, правильно? Может, он вам кого-то напоминал? По осанке, по фигуре, может, по одежде, в конце концов?.. Может, напомнил кого-то из ваших... из поселка, имею в виду?

– Да, над этим я и сам думал. Еще там, когда увидел его. Кого-то мне его фигура напоминала. Но потом перестал об этом думать. Ну, после того, как ваши – из милиции – ко мне подослали этого жулика Зейнала, чтобы он что-то у меня выудил. Как будто мы в чем-то виноваты. Тоже мне – чекист, алкаш несчастный!

– Не обижайтесь на наших. Вы же знаете, хороших специалистов не хватает. То война, то эта чехарда в милиции. Не зря же двенадцать тысяч коммунистов направили в органы для подкрепления. Я вас очень прошу, дайте знать, если что вспомните. Вы мне очень помогли бы.

И они попрощались, как давние добрые знакомые.

Эпизод 17. Игорь Пахомов – 6

Бросив свой старый небольшой студенческий чемодан под кровать, умывшись чуть теплой водой, я разыскал райотдел милиции. Но начальника на исходе дня уже на месте не оказалось, был его заместитель. Я решил с ним официальные вопросы, заместитель выделил мне в помощники одного из оперов, охарактеризовав его как одного из лучших в отделе, и обещал завтра к рабочему дню освободить место для работы нам двоим. И так как такового опера тоже не было на месте, знакомство с ним оставили на завтра.

Когда я выходил из обшарпанного здания милиции, солнца уже почти не было видно: кусочек торчал из-за горизонта. Курящие на крыльце два милиционера на своем языке о чем-то громко спорили. При виде меня, здороваясь, затихли. В гостиницу пока было рано, где-то следовало перекусить. Почему-то у милиционеров об этом не стал спрашивать. Перейдя на другую сторону улицы, не торопясь пошел в сторону гостиницы.

Напротив был виден потрясающе красивый закат. Утром, перед отъездом, горизонт тоже был красивый. Как Саша появилась, стал еще красивее. Интересно, а выдержит ли она мою работу? Я ведь постоянно в разъездах. И бывает так, что допоздна на работе. Бывает и ночью, и под утро, и в праздники вызывают на работу. Что тогда? Как она себя поведет? Я

невольно дернул рукой, как бы отгоняя от себя дурные мысли. Шедшая навстречу женщина с авоськой, с опаской на меня посмотрев, быстро прошла мимо. Будь неладен этот погибший заготовитель! Был бы он жив, не пришлось бы ехать сюда. Да был бы еще он порядочным человеком, а так... По всему видать, фрукт еще тот. Что-то я сегодня перегибаю. Независимо от того, кто и какой он, будем искать преступника. Никому не позволено нарушать закон, тем более лишать жизни человека, а был погибший хорошим или плохим, к делу отношения не имеет. В ходе следствия мы все это установим. Ладно, перекус подождет. Пока не поздно, надо в табачный пункт, там поди есть у кого поспрашивать про этого заготовителя. Может, кто про него вспомнит или слышал что-то. Нечего на завтра оставлять то, что можно сделать сегодня.

Проезжающий мимо двухэтажного дома серого цвета ГАЗ-21, останавливаясь, кому-то посигналил. Я подумал, что, наверное, водитель этой «Волги» лучше знает, где нужный мне табачный. Посмотрев по сторонам, я быстро пересек дорогу:

– Добрый вечер!

Водитель, удивленно на меня посмотрев, растерянно ответил:

– Здравствуй, дорогой!..

– Не подскажете, где табачная база находится?

– Наша табачная? Ты что, приезжий? Кого ты там найдешь

в такой поздний час?

Потом, посмотрев на часы, добавил:

– Там рабочий день давно закончился. Ты вообще что хочешь?

Я не знал, как этому любопытному шоферу ответить, чтоб и волки были сыты, и овечки целы. Пришлось на ходу придумать душещипательную историю:

– Вы понимаете, тут какая история. Я только что из автобуса. Ищу человека, который был у нас в командировке где-то два года назад. Когда он у нас был, познакомился с моей сестрой. Сколько-то дней повстречались, ну, туда-сюда, трали-вали. Задурил голову девчонке, обещал жениться, обманул! Что хотел, то и сделал с ней. Обрюхатил бедную, потом, ей ничего не сказав, удрал, подлец! А мы ждали-ждали... Он так и не приехал. Сестру я пару раз из петли вынимал! Жить, говорит, не могу и не хочу. Что мне, она говорит, ребенку отвечать, где папа. Хочет к папе – ребенок плачет. Ну, я и не выдержал. Приехал его искать. Жалко мне очень сестру.

Шофер, раскрыв рот, внимательно слушал, по-моему, совсем забыв, зачем вообще приехал к этому дому. А я, чтоб подкрепить свою сказку, продолжил:

– Отец с матерью от горя согнулись. Ведь мужчина не должен так поступать. Тем более советский человек. Кто же теперь сироту будет воспитывать?

Я, кажется, начал переигрывать:

– Поэтому я его ищу. Сестра говорила, что якобы он на

табачной базе работал.

– Как его зовут, ара? Как фамилия?

– А вы что, там работаете?

– Ха!.. Я там шефа вожу, ара, понимаешь?

Он, повернувшись, по крыше «Волги» постучал.

– Никто лучше меня работников базы не знает.

Я, достав из внутреннего кармана фотографию заготовителя, передал ему. Совсем стемнело, поэтому фотографию плохо было видно. Он, включив фары, нагнувшись, начал рассматривать карточку. Потом, повеселев, выпрямился и торжественно сообщил:

– Ара, я его знаю... вернее, знал. Ты посмотри, здесь и усы сбрил. Девушке, видимо, молодым хотел казаться. Ах ты, хитрец! Он у нас в снабжении работал. Но потом уволился с работы и куда-то уехал. Тебе, кажется, не повезло, дорогой!

Он повернулся, чтоб опять кого-то вызывать, но, что-то вспомнив, еще раз ко мне обратился:

– Слушай, вот что еще вспомнил. Понимаешь, видимо, не только твоя сестра пострадала от него. Через некоторое время, когда он уехал, его одна молодая девушка искала. Тоже была расстроена, когда узнала, что он пропал.

Вот так вот! Его еще и какая-то девушка искала! Да, интересный момент. Но сейчас нельзя было напирать с вопросом об этой девушке:

– Как вы думаете, кто может знать, куда же подался этот

аферист?

– Вот это я не знаю, дорогой!

Видимо, на сегодня достаточно было. Ноги гудели. Какая-то слабость ощущалась. Наверно, после болезни не совсем оправился:

– Спасибо большое, вы мне очень помогли.

Повернувшись, я зашагал в сторону гостиницы.

Эпизод 18. Игорь Пахомов – 7

Проснулся рано. В номере было свежо. Неохота было из-под теплого одеяла вылезать. Но надо было: хотелось в туалет. Через полчаса, умывшись и сделав примитивную гимнастику, я подался к администраторше чем-нибудь позавтракать. Уплел предложенную яичницу с лавашем, запил бледным чаем и, тепло одевшись, направился в отдел.

По дороге, еще раз мысленно прокрутив сложившуюся ситуацию, пришел к выводу: требуется установить личность девушки, которая искала заготовителя. Она могла быть кем угодно. Попутно будем искать родственников, друзей, знакомых. Переложив в другую руку портфель, оконеченную руку засунул в карман. Ага, много ли сегодня побегаешь?! Холод собачий! Гляди, уши отвалятся. У нас такой холод редко бывает. Как бы опять не заболеть.

Дежурный, поздоровавшись со мной, показал выделенный мне кабинет и, всучив ключи от двери, побежал обратно. Кабинет был открыт. На скорую руку освобожденная неубранная комната пахла чем-то затхлым и табаком. Допотопный стол, испещренный всевозможными автографами и рисунками, стоял посреди комнаты. Решив пока никаких перестановок не делать, плюхнулся на такой же старый стул. В комнате, на удивление, было тепло. Сняв плащ и повесив на торчащий из стены гвоздь, опять уселся. Достав из портфеля

бумагу и карандаш, начал чертить и писать только мне ведомую абракадабру.

– Разрешите, – раздался негромкий голос.

В приоткрытой двери стоял молодой лейтенант. Видимо, это был назначенный мне помощник.

– Да, заходите.

Я вышел из-за стола. Рукопожатие помощника было крепким. Лейтенант представился. Чтобы долго не рассусоливать и времени не терять, я на бумаге показал ему мой план розыска девушки, объяснил смысл моих каракулей. Потом, задав ему несколько вопросов по теме, убедившись, что в целом задачу он понял правильно, попросил:

– Альберт, я прошу про наши дела пока никому! Понял?

Он кивнул и вышел. Немногословность моего временного помощника мне понравилась: я не любил болтунов. А спустя пять-шесть минут через грязное зарешеченное окно кабинета я увидел невысокую фигуру моего помощника, удаляющуюся от райотдела для выполнения моего поручения.

Эпизод 19. Незабывтый Силуэт

Наступил новый, 1965-й год. Весь советский народ встречал его с надеждой на лучшую, благополучную жизнь. Так же усердно, как все работники хлоппункта, трудились мои родители. Отец, несмотря на старания матери, понемногу сдавал. Трудно стало ему работать. Длительный надрывный кашель обессиливал его. Но, как всегда, старался делать по хозяйству всю работу. В тот день густыми хлопьями шел снег. Пораньше пришедший с работы отец, издали увидев меня в инжирном саду совхоза, потихоньку своей прихрамывающей походкой дойдя до меня, как всегда, удивительно мягким голосом спросил:

– Весь в снегу, как Дед Мороз? Не замерз еще?

Я, поднимая свои худые ботинки, сказал:

– Есть немного!

Отец, посмотрев на них огорченно, как бы виновато сказал:

– Давай домой, сынок.

Потом, направив палкой подопечных в сторону сарая, спросил:

– Ты хорошо помнишь ту ночь, когда мы на крик к реке пошли?

– Конечно, помню!

Я невольно повернул голову в ту сторону, где тогда раз-

давшийся шорох и высокая тень меня так напугали. Мы как раз были рядом с этим местом.

– Повтори и постарайся ничего не упустить.

Я, естественно, удивился просьбе отца. Зачем это ему, спустя столько времени? Но с удовольствием подробно, с чувством все рассказал. Он, молча слушая, шагал, думая о чем-то своем.

А снег все не прекращался. Наконец управившись с хозяйством, все мокрые, мы с отцом зашли в уютную натопленную комнату. А чуть позже пили слегка подслащенное горячее молоко. Был настоящий зимний вечер. Мне стало радостно, настроение сделалось отличное. Радостно было от того, что дома тепло и уютно, что отец сегодня меньше кашлял. Но отец не был весел. Подперев подбородок ладонями, думал о чем-то своем. Мама в углу гремела посудой. Я, чтобы готовиться к завтрашнему дню, собирался в свой отсек, как вдруг отец негромко, ни к кому не обращаясь, сказал:

– А я ведь вспомнил, на кого была похожа эта фигура. Кажется, я понял, кто это мог быть.

Мама сначала не поняла, о чем это отец говорит. Если бы не вопрос отца ко мне часа полтора назад о той ночи, я тоже сразу не понял бы, как мама, о чем это отец. Поэтому я маме громко напомнил, когда нашли закопанного. Положив кастрюлю на место, мама удивленно села напротив отца:

– Ну?!

Отец, не меняя позы, в свою очередь спросил маму:

– Ты не помнишь, куда и когда уехала эта пара?

Видя, что мама пока не поймет, о ком идет речь, отец пальцем показал в сторону комнаты покойной Зейнаб.

– А-а-а, вот ты о ком! – воскликнула мама. И вдруг, как бы о чем-то догадавшись, шлепнув себе по губам, пораженная догадкой, удивленно уставилась на отца.

Отец спокойно, без эмоций, спросил:

– Что-то я давно не видел Арзу. Он сюда вообще заходит или нет? Жалко парня. Вроде неплохой. Когда будет здесь, так... мимоходом спроси про этих. Посмотрим, что скажет. А потом сделаем вывод. Сейчас, думаю, пока рано что-то говорить.

Эпизод 20. Игорь Пахомов – 8

Через час я, выпроводив моего помощника, двинулся на выход. Под подозрительным взглядом дежурного демонстративно достал сигарету, попросив у него спички, прикурил и, не сделав затяжку, вернул спички, вышел на крыльцо. Никого не было. Потихоньку, стараясь оставаться незамеченным, за углом выбросил сигарету и направился по адресу, подсказанному мне утром администраторшей гостиницы. По дороге, проверив наличие за мной «хвоста», зашел в магазин, ничего не купив, продолжил путь. Вот наконец-то местная достопримечательность с вывеской «Ресторан». Тот, на удивление, был открыт. Видимо, для посетителей было слишком рано. В углу единственный бородатый гость, чавкая, что-то так уплетал, как будто кто-то собирался еду у него отнять. Из проема за стойкой вышел грузный мужчина в халате, глянув на меня, крикнул бородатому:

– Давай быстрее, люди ждут!

Мужчина, положив в рот последний кусок, исчез в том же проеме. Я, сняв тонкое пальто, бросил его на спинку стула, предварительно вытащив из кармана купленную утром в киоске газету и положив ее на стол таким образом, чтобы при малейшем касании посторонних она бы упала. Пришлось ждать. Чтоб скоротать ожидание, взял кусок хлеба, обильно намазал свежей по виду горчицей, начал жевать. Че-

рез некоторое время наконец-то из того же проема появилась долгожданная очень даже привлекательная молодая официантка в белой наколке и фартуке, с блокнотом и карандашом. Придав приветливость симпатичному лицу, поздоровалась, показав на открытое мной меню, спросила:

– Что будете?

Я, разглядывая меню, заказал заранее выбранное мною блюдо и воду. Она удивленно на меня посмотрела:

– Что еще?

Я понял, на что она намекает:

– Нет-нет! Сейчас не могу. Сейчас у меня работа.

Потом добавил со значением:

– Пойду искать одного подлеца!

Когда она, записав заказанное, собралась уходить, я, поймав ее за руку, многозначительно посмотрел ей в глаза:

– Как-нибудь в другой раз!

Она, кивнув, мягко высвободила руку, ушла. Чуть позже, чтоб помыть руки, я пошел искать туалет, а когда вернулся, мой заказ меня уже ждал. Газета моя лежала чуть дальше того места, куда я ее положил. Незаметно посмотрев по сторонам, не увидев любопытных глаз, приподняв одну сторону газеты, посмотрел на фотокарточку, которую я в нее вложил: моей метки на фотокарточке не было. Это значило, возможно, газета все же упала и фотографию увидели. Или же краешек фотографии, который был виден, привлек внимание, и ее рассмотрели. Так или иначе, возможно, фотографию уви-

дели, но не придали значения. Или же увидели и узнали, и сообщения пошли к адресату.

Как же был я голоден! Жаркое с лавашем и салатом оказалось очень вкусным. Но воду я, видимо, зря заказал. На улице холодно. Надо было кофейку взять. Появившийся грузный мужчина, пройдя за стойку, исподтишка меня разглядывая, что-то делал, но вскоре ушел. Я чувствовал на себе чей-то взгляд, и это ощущение усиливалось. Был уверен: рассматривали меня вдоль и поперек. Через полчаса, закончив трапезу, беззаботно ковыряясь в зубах, отложил фотографию в сторону, развернув газету, заинтересованно начал «читать»:

– Что еще желаете? – спросила моя «кормилица», подходя.

– Как вас зовут, красавица?

– Карина!

– Карина, можно чашечку кофе?

Она, записывая в блокнот, спросила:

– С сахаром или без?

– Без сахара и без молока.

Через пять минут вернувшаяся с чашечкой кофе Карина спросила:

– Вы, наверно, не местный, да?

– Я приезжий, голубушка.

– А что за подлец, которого вы ищете?

Я, взяв в руки фотографию, демонстративно начал рас-

смаатривать. Карина, убирая со стола, продолжила:

– И что же он натворил?

По тому, как Карина упорно не хотела просить показать ей фотографию этого подлеца, стало понятно, что она уже успела ее увидеть, мужчину узнала и даже кому надо сообщила о поиске этого снабженца-заготовителя каким-то чужаком. Требовалось еще больше туману напустить, но и лишнего нельзя было сказать. Решил обойтись общими словами типа того: «Я поклялся, все равно найду». Рассчитываясь, оставил приличные чаевые из моих скудных командировочных, одевшись, вышел.

По-прежнему было холодно. Было бы чуть потеплее, можно было бы, где-то в укромном месте постояв, понаблюдать за этим злачным местом. Но я не стал рисковать своим здоровьем. Все равно, если мой расчет правильный, вечером кто-то должен был явиться в гости. Несколько раз проверяясь, добрался до отдела. Альберта все еще не было. Опять мой потрепанный плащ занял свой гвоздик. Подточив карандаш, продолжил рисовать свои каракули.

Насколько я понимал, местная табачная промышленность создала своеобразную мафию. И в ней участвовали очень серьезные люди. Начиная от звеньевых там, где выращивали табак, кончая в верхних эшелонах. А почему бы и нет?! Ведь в соседней Грузии теневая экономика давно стала легальной. Дельцов крышевала верхушка, получая свою долю. А здесь почему иначе быть должно?! Естественно, если заготовитель

кинул эту мафию на деньги, то рано или поздно его все равно бы нашли. С мафией такие номера не проходят. А если это частный случай, то... Но в любом случае у заготовителя рыльце было в пушку. Черт побери, где же застрял этот Альберт?!

Эпизод 21. Тяжесть Времени

Дни пролетали незаметно. Зима была на исходе. Длиннее становились дни, и все сильнее пригревало солнце. Все свободное время мама торчала на нашем маленьком огородке, перекапывая грядки под будущий урожай. А иногда мне приходилось выносить из огорода оставшиеся с осени ветки, кустики, мусор. По мере того, как становилось теплее, отец, выходя из дома, подолгу прогуливался вдоль железной дороги до тутовников и обратно. Но ему изо дня в день все тяжелее и тяжелее давалась прогулка. И, несмотря на усердие мамы и врачей, отец никак не поправлялся. Он больше не ходил на работу: просто физически не мог трудиться. Он видел, чувствовал, что его дни сочтены, тем не менее мужественно, не жалуясь ни на что, нас подбадривал, где мог, помогал и делом, и словом.

В один из этих дней, когда солнце было в зените, на веранде появился наш сосед Арзу. Я по просьбе матери, повесив на забор загона шерстяное одеяло, от души выбивал его гранатовым прутиком. А мама на веранде мыла посуду. Услышав звуки шагов, подняла голову и, поздоровавшись, спросила:

– Что-то тебя давненько не было, сынок. Как ты сам-то?

Арзу, открывая дверь комнаты, от давнишнего устойчивого запаха поморщился. Оставил открытой дверь комнаты,

увидев меня, протянул руку, чего раньше никогда не делал, и со мною поздоровался. Пройдя в другой край веранды, присев на перила, спросил:

– А где дядя, как он?

– Недавно пошел гулять. А здоровье по-прежнему, наверно, уже никогда не будет лучше.

Арзу, глядя куда-то вдаль, грустным голосом спросил:

– Я в последнее время часто думаю, почему Аллах так несправедливо поступает?

Мама резко оборвала Арзу:

– Не кощунствуй, сынок, не надо. Ты лучше скажи: как живешь и где?

– Да работаю там же, где и прежде. Живу в районе, на съемной квартире.

Арзу, некоторое время помолчав, продолжил:

– Знаете, тетя, я, наверно, здесь больше не смогу жить. Зимой не хотелось переезжать. А сейчас тепло, сухо. Буду собираться. Завтра найду машину и... – Арзу, не договорив, махнул рукой.

Печально разглядывая его, мама сказала:

– Что это я... зайди домой, у меня довга сварена – покушаете с Махмудом.

Потом ко мне, повернувшись:

– Хорошо похлопал?

– Обижаешь, еще как хорошо похлопал!

– Ладно, иди руки мой – вместе поедите. Бог знает, когда

отец придет. Наверно, где-то с мужиками общается.

Мне про еду дважды повторять не надо было. Было бы что поесть. Быстро ополоснув руки, без промедления занял свое место. В связи с тем, что у меня своих дел было выше крыши, долго не мог наслаждаться приятным обществом. Как поел, решил быстро ретироваться, тем более что-то еще вкусное не ожидалось. Когда собрался выйти из-за стола, мама, наклоняясь ко мне, сказала тихо:

– Посмотри, где отец.

Я кивнул, что означало «без тебя знаю», и бросился на поиски. Побывав в нескольких местах, нашел отца на мельнице, около водопада. Мощный поток воды, падая с высоты на полированные камни, образовывал водяное облако, рисуя красивейшую радугу. Отец, сидя на нагретом солнцем большом валуне, не отрывая взгляда, смотрел на эту волшебную картину. Не увидев, а скорее почувствовав, что это я, громко сказал:

– Видишь, сынок, у людей, видимо, зерна маловато, мельница часто простаивает. Вот и сегодня тоже... Непорядок!..

– Пойдем, отец. Мама ждет, ты же ведь ничего не кушал.

Помогая отцу встать, я продолжил:

– Мы же с тобой, к сожалению, сейчас ничего не можем изменить. Говорят же, была засуха, поэтому хлеб не уродился. Может, в этом году лучше будет.

Выйдя на прямую дорогу, отец, опираясь на палку, попытался пойти ровно. Даже руку у меня выдернул, как будто

обиделся на мою непонятливость:

– Да, бывает такое природное явление, к сожалению, иногда влияет на нашу жизнь. Но здесь, сынок, дело наверняка не только в этом...

Через некоторое время мы уже были у дома. Мама на веранде, опираясь на перила, с беспокойством ожидала нас. Солнце приближалось к закату, поэтому веранда была залита солнечными лучами. Выбившиеся из-под платка мамины седые волосы блестели серебром. Поднявшийся на веранду отец спросил маму:

– Заждалась поди?

Мама, взяв его под руку, повела домой. Я не стал заходить домой. Подумал: «Пусть подольше побудут вместе».

Эпизод 22. Игорь Пахомов – 9

По всей вероятности, я правильно поступал. Нельзя было опираться на моих местных коллег и доверять им. Нельзя лезть в воду, не зная броду. А прав я или нет, время покажет. Посмотрим еще, с чем Альберт пожалует. В кабинете было душно. Я встал, чтобы открыть форточку. В дверь негромко постучали.

– Входите!

Вот и Альберт прибыл.

– Ну заходи. Чего такой красный?

– Добрый день, Игорь Владимирович. Да замерз я, – Альберт потер сначала щеки, потом уши. – Ходишь, спрашиваешь, допрашиваешь... Почти все время на улице. Кто же будет меня жалеть, на чай приглашать?

– Ладно, скидывай давай свой лапсердак. Здесь-то тепло. Было бы, конечно, здорово, если бы кто нас угостил чаем.

Альберт, сняв куртку, повесил ее поверх моего пальто, молча вышел. Интересный парень был этот Альберт. Вернулся через несколько минут с цветным пузатым чайником и с двумя гранеными стаканами. Расставив все это на столе, достал из кармана маленький кулечек с карамельками-подушечками.

– Молоток!.. Где же ты все это достал?

Альберт, усмехнувшись, разлил по стаканам пахнувший

мятой чай:

– Вы были правы.

Я, бросив в рот карамельку, сделал несколько глотков. Чай был действительно вкусным. Да-а-а!.. На Южном Кавказе умеют чай заваривать. Вообще, кухня у нас отменная! Альберт продолжил:

– То, что местные мне рассказали, навряд ли вам поведали бы. В общем, так!.. Девушка, которая искала этого снабженца, – дочь бывшего заведующего складом на табачном.

– Проясни.

– Этот снабженец почему-то в один прекрасный день взял да и уволился. А через некоторое время вообще пропал. Ну, пропал так пропал. Вроде никому до него никакого дела не было. По крайней мере жена, дети не объявлялись. Да эта информация, мне кажется, совсем не точная, так, одна бабушка сказала. Наверно, так не бывает, чтобы у человека в таком возрасте ни семьи, ни родственников не имелось. Ладно, бог с ним. Тут интересно другое! Спустя приблизительно неделю заведующего тем складом, где работал этот снабженец, нашли у себя в квартире мертвым. Следствие вели якобы наши. Про это я ничего не знаю. В это время я еще здесь не работал. И еще одно: завскладом жил тоже один. А дочь взрослая жила с его родной сестрой, но то ли в другом районе, то ли в деревне. Жена умерла, когда еще дочь была маленькой. И он после этого не женился. На его похороны пришли авторитетные люди города. Говорят, даже герои

соцтруда были. Но следствие вскоре было прекращено из-за отсутствия состава преступления. Якобы было установлено самоубийство.

– Погоди... Ну и где же тут связь?..

Альберт меня прервал:

– Между снабженцем и завскладом? Да, оказывается, они были очень близкими друзьями. Эдуард, так звали завскладом, сам его откуда-то перевез сюда и устроил здесь на работу. И вот этот близкий друг отсутствовал на похоронах. И, видимо, его отсутствие близких Эдуарда обеспокоило, и они начали его спрашивать, искать. Как так? Один погибает, а другой вообще пропадает. Ну, дочь Эдуарда, можно предположить, что в связи с этим его и спрашивала.

– Слушай, а как фамилия этого Эдуарда?

– Фамилия у него очень странная – Слой. У нас нет таких фамилий.

Альберт, наливая себе еще чаю, спросил:

– Вам добавить?

– Наливай. Теперь расскажи, тебя в этой истории ничего не смущает?

Альберт, хмыкнув, начал крутить в руках стакан, уставившись в окно.

– Понятно. В общем, так. Приглашаешь тех, с кем сегодня общался. Надо запротоколировать их показания. И второе: требуется сходить в гости к этой безымянной девушке. Это значит...

– Это значит, надо узнать адрес этой девушки.

– Молодец! Хватит чаевничать. Я в гостиницу: может, кто-то в гости пожелует. А ты давай дерзай. Если понадобится, прошу ко мне! Пока.

Эпизод 23. Игорь Пахомов – 10

По дороге в гостиницу в небольшом доме я увидел гастроном. Надо было разжиться чем-нибудь из еды. К моей радости, в продаже была докторская колбаса, взял еще кильку в томатном соусе и очень черствый хлеб, которым зуб сломаешь. Что-то в нашей стране разучились хлеб печь. Ну хорошо, что хотя бы это было. Через пятнадцать минут я оказался уже в гостинице. Пожилая администраторша, когда я попросил у нее ключ от моих «хором», показав мне за мою спину, тихо сказала:

– Тут к вам люди пришли.

Я, забрав ключи, как бы удивляясь, спросил:

– Какие люди? Кому это я нужен?

Повернувшись, я посмотрел по сторонам. Вышедший из-за колонны мужчина среднего роста в дорогом драповом пальто, тихо поздоровавшись, спросил:

– Можно к вам на пять минут?

Я, «очень» удивившись, спросил:

– Вы не ошиблись?

Мой гость спокойно ожидал моего приглашения.

– Да, пойдете, пойдете.

Показав ему на содержимое моей авоськи, добавил:

– Составите мне компанию, поужинаем.

Я, суетливо открывая дверь номера, пропустил его впе-

ред. Зайдя в комнату и поставив на стол авоську, раздеваясь, сказал:

– Вы тоже раздевайтесь, раз пришли. Присядьте.

Я, подойдя к умывальнику, вымыл руки.

– Вы со мною будете ужинать?

Успевший снять свое пальто и присесть на второй стул мой гость, как мне показалось, ответил с иронией:

– Нет, спасибо. Я уже поел. Вам утром в ресторане не понравилось, что сейчас всухомятку есть собрались?

Я не стал из себя изображать удивленного. По всей видимости, гость мой был человеком бывалым. И лучше было играть с ним в открытую, чем валять дурака.

– Понял, не дурак! Так чем обязан?

– Думаю, представляться не обязательно, – произнес он опять тихим голосом полувопросительно-полуутвердительно.

Я развел руками, мол, как хотите.

– Нам передали, что вы якобы ищете человека, который когда-то жил здесь.

– Ну, допустим. Что с того?..

– Нам бы хотелось узнать, в связи с чем его ищете? Только, ради бога, не надо нести ахинею про обман сестры и т.д. Добро?

Ни фиги себе!.. Откуда он узнал про наш разговор с этим водилой?!

– Я что, должен просто так все вам выложить?

– Ладно! Давайте так: услуга за услугу! Вас сюда, наверно, не только ради этого прислали? Что вас в этой республике интересует, если мы знаем, расскажем. А если не знаем, попытаемся узнать. Но вы нас проинформируете: по какому вопросу его ищете? И насколько вы продвинулись в его поиске?

Мы так и предполагали, что в деле этого снабженца-заготовителя не все чисто. Но настолько?! По всей вероятности, мой гость, который сидит передо мной, далеко не из рядовых. Думаю, он представляет не только себя, но целую группу лиц, которые очень заинтересованы в том, чтобы найти заготовителя. Но в связи с чем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.